

Игорь Онофрей

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Игорь Онофрей

Преступления без наказания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54758582

Преступления без наказания / И. Онофрей: Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906947-85-7

Аннотация

Эта книга интересна уже тем, что написана русскоговорящим иностранным автором, внуком белых эмигрантов, который родился и вырос в Китае, а в возрасте 20 лет эмигрировал в Австралию. Игорь Онофрей долгое время изучал Россию, жил и работал там несколько десятков лет (а ещё – во многих других странах). Он не только хорошо знает язык своих предков, но и разбирается в бывших советских и настоящих российских реалиях. Русским всегда было небезразлично мнение «со стороны». Эта книга побуждает задуматься о том, чего мы иногда не замечаем, о тех безнаказанных проступках власть имущих, которые мы не видим за потоком информации, льющейся к нам из интернета и экранов телевизоров.

Автор, впервые издающийся в России, своей книгой «Преступления без наказания» пытается донести свои тревоги и чаяния до российского читателя.

Содержание

Предисловие	5
Купе на двоих	9
Что Андрей рассказал о себе генералу	20
Генерал страны великой, или Генерал о себе	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Онофрей Преступления без наказания

© Онофрей И., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Пока я жив, я хотел бы дописать эту книгу. Ровно 40 лет назад я начал над ней работать, всё это время выбирая жанр и придумывая название. Идеи менялись в зависимости от обстановки и жизненного опыта, и их было много.

Прожив семьдесят лет, я хотел бы оставить за собой след, похожий на след падающего метеорита. Хотя людей, которые наблюдали падение метеорита, гораздо больше, чем тех, кто когда-либо прочитает эту книгу.

Если написанное мной прочтут только мои дети, я уже буду очень рад. Я пишу отнюдь не в назидание – я меньше всего хочу кого-то учить. Я лишь делюсь своими размышлениями, и, может быть, они чем-то помогут моим детям.

Мир захламлён философскими сентенциями, религиозными учениями, проповедями, нравоучениями, книгами-справочниками на все случаи жизни, и повзрослевшие чада, если склонны к чтению, ищут в них ответы на вопросы, которые ставит перед ними жизнь. Но есть ещё семья, родители. Признаюсь, я сожалею о том, что не нашёл достаточно времени для бесед с дедом и отцом в конце их жизни. Возможно, мудрость прожитых ими лет помогла бы мне избежать ошибок, хотя бы самых элементарных.

И сейчас, шагнув в последнюю треть своей жизни (кто знает?), я с мрачным сожалением сознаю, что наделал кучу

ошибок, но так и не знаю, что такое правильный путь.

Моя жизнь всегда была очень насыщена и интересна, и я вряд ли хотел бы что-то изменить. Я родился в Харбине в 1944-м, детство и раннюю юность прожил в Китае. Детства я почти совсем не помню, только некоторые – вспышками – эпизоды. По рассказам родителей и по своим ощущениям я понимаю, что это было трудное время – период оккупации Маньчжурии советскими войсками и гражданской войны в Китае.

Отрочество и юность тоже остались в памяти каким-то серым пятном. Видимо, жизнь была настолько трудна, что подсознание до сих пор отвергает мои попытки вспомнить что-нибудь яркое и светлое из этих времён. И поэтому я до сих пор завидую моим сверстникам, которые отчётливо помнят события своего детства и юности и живут этими воспоминаниями всю жизнь.

Я иммигрировал в Австралию, когда мне исполнилось ровно двадцать лет. Я был последним русским иммигрантом моего возраста, покинувшим Китай. Два года до выезда были временем мучительного ожидания разрешения на выезд вкупе с оскорбительным и хамским отношением китайских иммиграционных властей, жутким бездельем, поскольку возможности учиться или работать не было. Не единственный, но в будущем очень полезный результат этих двух лет – я «натаскался» в беглом китайском благодаря своим китайским друзьям.

Другой плюс – это куча свободного времени. Тогда в Китае ещё не было телевизоров, но уже не было русского кино или какого-нибудь иного развлечения, кроме редкой возможности слушать радиопередачи из России. Когда становилось совсем тоскливо и скучно, я ходил в китайские кинотеатры, где демонстрировались фильмы, напичканные голой пропагандой, от которой тошнило даже меня – политически совсем несозревшего юношу.

Это время закалило меня. И когда наступали трудные дни, я сравнивал их с мрачным и нищенским прозябанием в детстве и отрочестве, и мне становилось легче. Своим детям я пытался внушить – правда, безуспешно, – насколько безоблачны их молодые годы. Всё познаётся в сравнении, и каждый видит жизнь своими собственными глазами.

Моя книга называется «Преступления без наказания», то есть она о безнаказанности. Прожив двадцать лет в Китае, поделив последующие пятьдесят с лишним лет между Австралией, Японией, Россией и Кипром и посетив больше двадцати стран, я, по непонятной причине, не перестаю думать о проступках и преступлениях, оставшихся безнаказанными. Они, на мой взгляд, более существенны, чем те, за которые предусмотрены наказания по закону.

Без наказания остаётся и неправильное воспитание детей, и политические ошибки правителей, в результате чего страдают целые народы. Без наказания – из-за несовершенства законов – остаются экономические преступления... Я хочу

рассказать только о той безнаказанности, с которой сталкивался или я сам, или мои друзья и партнёры. То есть о том, о чём я знаю не понаслышке.

Мне хотелось бы, чтобы эта тема, тесно связанная с моим личным опытом, послужила предметом размышления для моих детей, их сверстников и даже, может быть, умудрённых жизненным опытом людей. Возможно, им удастся изменить ситуацию, а как и когда это произойдёт, решать не мне.

Всё, о чём написано в этой книге, – правда. Я должен оговориться, как это принято, что имена героев книги вымышлены и любые совпадения с реальными людьми случайны. Мы любим приписывать себе положительные качества, поэтому, если вы подумаете, что всё хорошее здесь относится именно к вам, то это прекрасно. Если же в отрицательных персонажах узнаете себя – ничего не поделаешь, на воре и шапка горит.

В книге нет главных героев. Это просто сборник новелл, в которых кое-где прослеживаются автобиографические мотивы. По сути, не важно, как возник тот или иной сюжет. Иногда это сочетание увиденного либо услышанного, либо вычитанных где-то идей и их осмысления. Тема безнаказанности может проявляться ясно и отчётливо, а может быть выражена опосредованно и образно. Читатель вправе не соглашаться со мной. Однако надо помнить, что основа замысла автора – направить к размышлениям, результат которых зависит от самого читателя, то есть от каждого из вас.

Купе на двоих

От Хабаровска до Москвы скорый поезд идёт 7 дней. На первый взгляд может показаться странным, что в начале XXI века, века сумасшедшей космической скорости, многие предпочитают эту поездку самолёту. Нет, не из-за экономии, скорее, вопреки большим скоростям, кое-кто – из-за романтики и в редких случаях – из-за боязни летать.

Андрей давно мечтал повторить поездку, которую он совершил 33 года тому назад. Тогда он впервые побывал на родине его деда и отца. Произошло это в конце 70-х, и в голове 33-летнего внука белого иммигранта, который воевал против советской власти, была смесь огромного любопытства и некоторого опасения. Она оставалась с ним до конца турне.

После этого Андрей часто посещал СССР, а потом Россию, и проработал там больше полутора десятков лет. Иногда ему казалось, что он изучил эту трудную страну досконально, иногда – что не знает о ней почти ничего. Последнее происходило, когда он снова и снова сталкивался с непредсказуемыми, почти феноменальными сюжетами, которые подбрасывала ему жизнь.

В ту, первую поездку поезд из дюжины вагонов полпути тянул тепловоз, а остальной путь – электровоз. Стояла суровая зима 77-го, окна были наглухо закрыты, а вагон нагрет до того, что и в майке было жарко. Постельное бельё на тре-

тьи сутки из белоснежного стало серым от копоти. Только в конце поездки Андрей с женой узнали, что свежее бельё можно было попросить за отдельную плату. В вагоне-ресторане пробка от шампанского, выстрелив в потолок, вызывала чёрный душ, который покрывал все блюда гарью с противным привкусом.

На этот раз Андрея уверили, что за минувшие 33 года сервис изменился в лучшую сторону, электровозы заменили тепловозы и что он будет приятно удивлён обслуживанием и непременно получит удовольствие от поездки.

В поездке за время долгого пути попутчики успевают подружиться, поругаться, сделать предложение и изменить. Ругаются реже. Скорее спорят, но расстаются, как правило, друзьями.

Желания общаться с незнакомыми попутчиками у Андрея не было. Напротив, хотелось побыть наедине с собой – такая возможность выпадает нечасто в суете и круговерти современного шального мира.

Однажды при встрече с одним из высокопоставленных чиновников большого министерства он и обронил эту мысль о solitary путешествии.

– У нас в России можно всё, – уверил чиновник Андрея и кому-то позвонил.

К перрону Андрея доставили с внушительным эскортом, и проводник с первых минут проникся к нему уважением. Один из провожающих пожал руку проводнику и что-то ко-

ротко сказал ему.

Проводник ловко убрал в карман кителя то, что было составным рукопожатия, и, когда поезд тронулся, заговорщицки подмигнул Андрею:

– Пусть господин не беспокоится, всё будет на высшем уровне.

Шёл 20-й год политики перемен и обновления России. Обращение «господин» применялось сейчас не только к иностранцам, как было лет двадцать тому назад. Однако Андрею резануло ухо это обращение, адресованное явно к бывшему «товарищу» с манерами мужика из глубинки, но при галстуке от «Кристиан Диор» и с бриллиантовыми запонками.

Однако Андрей вскоре забыл об этом эпизоде: он радовался выпавшей возможности побыть наедине с собой и, предвкушая длительный путь, весело поприветствовал кондуктора, который принёс ему постельное бельё. Затем, как водится, последовал чай в традиционном металлическом подстаканнике, и наконец двери, громко щёлкнув, закрылись.

В зеркале размером во всю дверь отражались купе с колыхающимися свежими занавесками на окнах и редкое мелькание тусклых фонарей полустанков. Разогнавшись, поезд идёт мягко; ритмичное постукивание колёс гипнотизирует; пролетающие тускнеющие после заката пейзажи со временем не кажутся монотонными, и пассажир может часами, не отрываясь, смотреть в окно до того, как стемнеет. С наступ-

лением темноты монотонность нарушают огни полустанков, станций и придорожных поселений.

Теперь предстояло расположиться поудобнее. Семь дней в пути в одиночестве, в маленьком купе, с мобильной связью, работающей только вблизи крупных городов, да и то ненадёжной, – казалось, это вовсе не то, что нужно сверхзанятому бизнесмену. Андрей тем не менее был рад, что сумел оторваться от суеты, позволил себе такой необычный отпуск и стал недоступен для всех.

...Итак, на свободную полку лёг плеер с дисками новой коллекции классической и современной русской музыки. Там же разместились, в надежде быть прочитанными, несколько книжных томов. Это были произведения русских писателей – книги Андрей покупал постоянно, но они годами томились на книжных полках в ожидании почти невозможного – свободного времени. Вот сейчас, вероятно, и настал их черёд!

Вагон-ресторан блистал белизной скатертей и радовал глаз изящно расставленной посудой. Не похоже, чтобы пробка от шампанского уже могла приправить искусно и аппетитно приготовленные блюда дождём накопленной гари с потолка. В ресторане было много свободных мест – возможно, потому, что вечер ещё не вступил в свои права, а возможно, потому, что цены здесь были довольно высокие для русских среднего достатка. Да, за тридцать три года всё изменилось в корне. Не приходится заранее подкупать официанта, что-

бы и сервис, и блюда были отличные. С сервисом, правда, не торопились, но спешить было некуда.

Двести граммов ледяной «Сибирской» водки сменили усталость долгого дня на приятную расслабленность, и Андрей решил перед сном начать читать новую книгу. Однако после тёплого душа и выпитой водки усталость взяла своё, и глаза стали закрываться уже после первой страницы. Волшебный ритмичный перестук колёс погрузил Андрея сначала в гипнотическую дрему и совсем скоро – в такой редкий для него глубокий сон. Проводник обещал разбудить к завтраку по прибытии к первой остановке в большом городе, до которого ходу было больше восьми часов.

Проснулся Андрей от того, что кто-то бесцеремонно тряс его за плечо. Он открыл глаза. За окном ещё стояла кромешная тьма, значит, проводник – а это был он – оказался в купе явно не для того, чтобы разбудить Андрея к завтраку. Лицо проводника выражало смесь виноватости и растерянности. Позади него, в двери купе, стоял огромный «шкаф» в военной форме. По большой звезде на погонах Андрей понял, что это генерал, но каких войск – не разглядел.

– Вы нас извините, – суетился проводник. – Товарищ генерал вынужден разделить с вами СВ.

Почему здесь всё ещё «товарищ» и генерал был «вынужден», Андрей понял чуть позже. Чертыхаться, качать права, разбираясь с проводником, было бесполезно. В России, где нет ничего невозможного, действительно можно было всё, и

максимум, что он мог сделать позже, – это пожаловаться тому самоуверенному министру, который обещал ему полное одиночество.

Андрей быстро собрал лежащие на второй полке диски и книги и, не вступая в разговор, молча лёг на свою. Он был раздражён наглостью проводника, который прервал его сон. Генерал громко вещал проводнику, что ему нужно принести, и, наконец, дверь купе со щелчком захлопнулась. Андрей лежал лицом к стене и слышал, как генерал шуршал бумагой, наверное, доставая продукты.

После того как Андрея разбудили, поезд стоял не больше минуты, и что это была за остановка, Андрей не знал. За окном светились 2–3 фонаря – явно какой-то небольшой полустанок. Он вспомнил слова проводника при отправлении из Хабаровска, что следующая остановка будет только к завтраку. Значит, это не плановая остановка. Потом он узнал, что поезд остановился здесь именно ради генерала, а полустанок находился недалеко от ракетной базы.

Прерванный сон не возвращался. Через некоторое время вновь открылась дверь, нарушая ночную тишину, и в купе вошёл проводник с подносом. Ресторан уже был закрыт, но, как вы помните, в России нет ничего невозможного. Андрей повернулся на другой бок, чтобы видеть происходящее. На подносе была закуска, которую вряд ли мог затребовать обычный пассажир. Андрей с любопытством разглядывал, как подобострастно проводник освобождал столик и пытал-

ся уместить принесённое на его крошечной поверхности. Такое поведение проводника было бы типичным до развала СССР, когда звезда генерала да ещё звезда Героя много значили, но и военные и герои потеряли свою значимость после 1991-го, если их имена не были связаны с властью предрержащими.

«Значит, большая шишка», – подумал Андрей и после ухода проводника вновь попытался уснуть. Он опять повернулся к стене, но почувствовал лёгкое прикосновение к своему плечу. Андрей повернул голову.

– Мистер... плиз, – генерал жестом пригласил выпить, поднеся руку ко рту.

Ага, значит, проводник предупредил поселенца, что с ним в купе едет иностранец. Что-то есть положительное в новой демократии! До этого иностранцам подсаживали только гэбистов или проверенных партийных, а этот – генерал и с героем. Мало того, что едет с ним в одном купе, но и выпить предлагает. Андрей приподнялся на локте и с любопытством посмотрел на генерала, окинув взглядом полный стол закуски. На столике также стояли бутылка армянского коньяка и бутылки водки незнакомой ему марки.

Андрей колебался. Хотя сон улетучился и усталость как рукой сняло, в его планы не входило выпивать, да ещё и в такой компании. Но на лице генерала не было узнаваемого типичного отпечатка любителя выпить, свойственного многим военным. Его лицо выражало благодушие и даже, как

показалось Андрею, смущение и искреннее гостеприимство.

– Благодарю вас, но... – начал было Андрей, но генерал перебил его, будто Андрей говорил не на чистом русском, а на непонятном ему языке.

– Плиз, – он вновь сделал характерный жест, приглашающий выпить, и показал на закуску.

– Вы знаете, я хотел в эту поездку отдохнуть.... Я вообще-то не особенно силён в этом деле, – и Андрей кивнул в сторону бутылок. Но генерал, будто не слышал, что Андрей говорит по-русски, и упорно повторял:

– Плиз, плиз... мистер!

Андрей улыбнулся, махнул рукой – ну что ж теперь поде-лаешь! – и сел, отбросив одеяло к ногам.

– Спасибо, но только ради знакомства.

Только тут до генерала дошло, что Андрей говорит по-русски и практически без акцента.

– Так этот же сказал, что вы того... иностранец?!

– Да, я того, иностранец, но я русский иностранец.

Недоумение, почти испуг промелькнули в глазах генера-ла. Он прищурился.

– Как это... русский иностранец? А-а-а... Вы стали ино-странцем, то есть иммигрант?

– Я всё время был иностранцем. Это мои деды стали им-мигрантами после революции. – Андрею захотелось его шо-кировать, и он продолжил: – Те, что воевали с красными, то есть с вами, а потом через границу – в Китай.

Генерал на мгновение притих, вода головой из стороны в сторону, будто осмысливая услышанное.

– Я понял, хотя всё это очень сложно. Сложно, но понятно, хотя и не совсем... Но важно то, что мы общаемся, что мы попутчики, поэтому будем знакомиться.

Он представился, назвав имя и отчество, Андрей же ограничился именем.

– А по отчеству?

– Я не привык на Западе, чтобы меня величали по отчеству. К тому же я из Австралии, а там вообще проще в обращении.

– Как это – в Австрии всё проще? Там же саксонский снобизм?!

– В Австралии, – уточнил Андрей. – Там, в бывшей английской колонии, как-то всё смешалось, и англосаксонский снобизм не привился. Может быть, раньше это и было!..

– Знаете что, давайте выпьем, и вы мне расскажете об Австралии, а особенно о ваших предках. Вы не думайте, что мы такие тёмные люди, но одно дело – из книг и вторых рук и другое – из первых, как говорится, уст, живого русского иммигранта, да ещё так хорошо сохранившего родной язык.

Андрей понял, что, по крайней мере, в эту ночь отдыха ему точно не будет, но генерал ему сразу понравился. Их стаканы, налитые доверху, прикоснулись с лёгким звоном, и попутчики посмотрели друг другу в глаза.

Через час они громко и оживлённо беседовали. Их объ-

единяли один возраст, одно происхождение, язык и даже общая культура, но всё же оба чувствовали какую-то невидимую стену, мешающую им полностью раскрыться, довериться друг другу. Ясно, что генерал имеет ограничения, но Андрей боялся чего-то непонятного, необъяснимого. Может, он не хотел обидеть собеседника своей прямоотой, осуждая режим, в котором тот воспитывался, хотя генерал и сам открыто критиковал явные недостатки. А может, из-за полярности их судеб многие нюансы сказанного в полной мере не доходили до обоих.

Было понятно, что генерал сердцем не воспринимал аргументов вроде бы такого же русского, но всё равно чужого, не своего – человека, не звучащего с ним на одной волне. Он вежливо кивал, соглашался, и Андрей, наконец, научился выдавать информацию дозированно – ровно столько, сколько собеседник сможет переварить. Андрей чувствовал, что не должен выдавать генералу, несмотря на его подготовленность и осведомлённость, информацию, от которой как до, так и после перестройки его ограждала система. Иначе говоря, Андрей понял и был уверен в своей правоте, чего боялся генерал! Он воспринимал сказанное собеседником как пропаганду или чистой воды вымысел.

Андрей перестал спорить и возражать, и беседа, которая продлилась до утра, потекла непринуждённое. Впоследствии Андрей жалел, что не смог записать всю беседу. Если бы он сделал это сразу, то не смог бы услышать всего сказанного,

что-нибудь бы упустил. Поэтому решил просто запомнить разговор и потом воспроизвести его. Так и появились эти записки, которые стали основой дальнейших рассказов – в точности в той последовательности, как шла беседа.

Солнце ещё не взошло, но становилось всё светлее. Генерал замолчал. Мысли в голове Андрея беспорядочно роились – полностью осмыслить всё услышанное ему мешали алкоголь и усталость.

Генерал лёг, скрестив руки на груди, и, к удивлению Андрея, мгновенно уснул. Андрей тоже лёг, не раздеваясь, ему казалось, что он не сможет уснуть. Вроде бы щёлкнула дверь купе, поезд остановился... А дальше мысли спутались, затуманились, и мозг погрузился в тёмную пропасть.

Кто-то упорно трясёт Андрея за плечо.

– Господин, вставайте, я обещал разбудить вас на завтрак.

Голова шумела. Андрею казалось, что он только заснул.

– А где генерал?

Полка напротив была будто нетронутой. Столик – чистый. Проводник, выходя из купе и закрывая за собой дверь, ответил:

– Ресторан закроется через полчаса.

Андрей продолжал смотреть на полку, трясая головой и ничего не понимая. Впереди были шесть с половиной суток путешествия в одиночестве.

Что Андрей рассказал о себе генералу

Я умиляюсь, когда мои сверстники вспоминают свои детство, отрочество и юность так подробно, словно это было совсем недавно. Честно говоря, мне иногда сложно вспомнить, что происходило в прошлом году. Поэтому когда я слышу воспоминания о детстве от других, думаю, что это скорее попытка выдать желаемое за действительное, то есть мои сверстники хотят помнить всё именно так, как они рассказывают.

Память у меня хорошая, несмотря на мои 70, но, как я её ни напрягаю, кроме каких-то отдельных и редких детских эпизодов, мало что припоминаю. Судя по семейным альбомам, родителям было не до фотографий. Всё, что я собрал по своим архивам и с помощью старших сестёр, – это две-три фотографии, на которых мне примерно год и где снят такой толстый бутуз, что мне не верится, что это я!

Как рассказывала мама, по вине японских врачей я едва не умер в годовалом возрасте от какой-то неведомой желудочной болезни. Выходила меня заговорами какая-то бабка. Видимо, поэтому у меня по сей день нет большой любви к японцам, а заодно и к врачам. Вероятно, по этой же причине, если что случается со здоровьем, я ищу какую-нибудь бабку, которая вылечила бы меня от любой напасти.

Когда родились мои дети (а произошло это в столице Ав-

стралии – Канберре), мне кажется, не проходило и дня, чтобы их не фотографировали, поэтому альбомы со снимками их счастливого детства занимают не одну полку в книжном шкафу. Вот десятки фотографий моего полугодовалого сына. А здесь ему годик... Тут и видео. Количество и того, и другого удвоилось с появлением на свет дочки.

Когда рождались мои дети, я присутствовал при родах. Не понимаю, почему женщин всё время пугают родами? Мне кажется, наш первенец так легко достался жене, что я не знаю, как жена, – но я даже не успел испугаться, а вот с дочкой запаздывал принимающий врач, и все немного запаниковали. Когда же жене при родах что-то надрезали, я чуть не упал в обморок.

Сыну было около двух месяцев, когда я уехал в первую длительную командировку в Москву, будучи главой семейства из трёх человек. Вернулся я, когда сыну исполнилось шесть месяцев, и он, естественно, меня не узнал, но с любопытством трогал меня за бороду.

Сам я родился (и об этом знаю по рассказам родителей) на станции Аньда, что на западе от Харбина. Когда мне исполнилось пять лет, мы переехали в Харбин. От рождения до Харбина я помню только один эпизод. Я иду по рельсам железной дороги, которая, видимо, находилась рядом с домом. И всё! Насколько это воспоминание важно для психоанализа по методу Фрейда и важно ли вообще, не знаю.

В Харбине мы жили в посёлке Ченхе, на берегу Сунгари.

И здесь детали как-то спутались, хотя помню, что жили мы с 1950 по 1964 год в двух домах. В первом – большой семьёй. Бабка с дедом, тётя с сыном, моим кузеном, мать, две старшие сестры. Отца помню смутно. Мне кажется, он часто уезжал. В хозяйстве были две коровы, утки и курицы. Всем этим заведовала бабка, уже тогда сутулая и почерневшая от забот старуха. Как я позже понял, она меня очень любила и всё мне прощала. Прощала, когда я сбрасывал только что вылупившихся утят с высокого крыльца, и они гибли. Прощала, когда я воровал у неё копейки, покупая что-то у китайца-лоточника тут же, за углом. Иногда с группой таких же малолетних сорванцов, как и я, мы по очереди отвлекали этого лоточника и крали у него конфеты. Мне не было пяти, когда я попал в полицейский участок за то, что спустил колесо у автобуса на стоянке напротив дома. Бабке, чтобы выкупить меня, пришлось дать взятку в виде корзины со сливами. Поможет ли и тот эпизод в моём психоанализе сейчас, я не знаю! Знаю, что бабка, иногда рассказывая гостям о моём далёком криминальном прошлом, простила мне и это.

Хотелось отдельно рассказать о моих предках. Всё, что я о них знаю, я собрал по крохам, расспрашивая и родителей, и родственников. Сведений немного, и я не уверен в их правдоподобии. Однако я вижу в себе кое-какие объяснимые наследственные качества. Так, по крайней мере, я думаю. Но из-за запутанности биографий и отсутствия хотя бы каких-то устных деталей я просто отмечу своё генетическое состоя-

ние, то ощущая себя отпрыском прародителей голубой крови, то признаки мещанства, а порой и плебейские наклонности.

Я помню своего неродного деда с того момента, когда он после контузии был почти без движения. Они с бабушкой ютились на кухне. Из-за его болезни атмосфера в доме была напряжённой, и бабушка часто молилась, чтобы Бог поскорее забрал деда. Бог, видимо, тогда был очень занят и забрал деда позже – он умер в Гонконге, на пути в Австралию. Через два года после смерти деда я навестил его могилу. Спустя сорок лет могилы я уже не нашёл, но сейчас пытаюсь выяснить её местонахождение, чтобы поставить там памятник. Я чувствую свою вину перед ним за свою невнимательность к его болезни и детскую неосознанную грубость. Дед служил делопроизводителем при адмирале Колчаке и мог бы рассказать много интересного. Он был очень образованным человеком, но я никогда не видел, чтобы дед читал что-нибудь, кроме Библии.

Бабушка после смерти мужа прожила лет тридцать. Сначала хотела дождаться внуков, а дождалась и правнуков. Вся её жизнь – это череда испытаний, трудностей и страданий, поэтому удивительно, что она прожила почти 100 лет.

Про отца и мать я, к сожалению, знаю немного. Отец часто отсутствовал и много пил. В доме он конфликтовал с бабушкой, под горячую руку попадало и матери, и нам. Я плохо понимал, что происходит, и отца просто боялся. Наверное,

он не был злым человеком, но, по-видимому, не получил от жизни желаемого и отводил душу с собутыльниками и в домашних скандалах. Когда я повзрослел, отец пытался сблизиться со мной, но детские воспоминания – а я запомнил его выпившим и скандальным – не оставляли меня, и подсознательно я никогда не переставал бояться его. Умер отец быстрой счастливой смертью. Несмотря на сложное отношение к нему, я очень переживал его смерть и до сих пор чувствую необъяснимую вину перед ним. Если Бог не будет слишком занят на этот раз, он поможет мне разобраться в своих чувствах к умершему отцу, но, когда росли мои дети, я всегда хотел, чтобы они меня не боялись.

Мать пережила отца на двадцать лет. Она любила меня больше всех и, наверное, желала бы прожить оставшуюся жизнь со мной, но так не случилось. Мать кочевала между моими сёстрами и домом престарелых, где и утратила интерес к жизни. Не знаю, как сёстры, но и по отношению к матери я чувствую себя виноватым. Чувство вины, вероятно, даётся за то, что не было сделано мною при жизни близких. Не уверен, облегчает это жизнь или, напротив, делает её сложнее.

В раннем детстве игрушек у меня не было. Помню, однажды мне подарили ружьё с привязанной к дулу пробкой. Как-то раз оно застряло под диваном. Вытаскивая, я сломал ружьё пополам. Других игрушек я не помню. Трудно сейчас сказать, почему их не было: возможно, из-за бедности, или

у родителей находились другие приоритеты.

Когда моим детям было столько, сколько мне в Китае, часть детской комнаты мы отвели для игрушек – от простых до сложных механических. Их, как и ружьё в моём детстве, тоже постигала трагическая участь: куклы теряли головы, а механических игрушек хватало не больше, чем на неделю. Перед каждым Рождеством производилась чистка: игрушки, которые не подлежали восстановлению, выбрасывались, и «загон» пополнялся новыми.

«Криминальных» привычек в этом возрасте за моими детьми не наблюдалось. Был, правда, один эпизод, когда двухгодовалая дочка прихватила в местной лавке маленькое пасхальное шоколадное яичко. По дороге домой она подозрительно молчала, и жена обнаружила похищенное в её руке уже почти растаявшим. Жену обеспокоило случившееся, и она решила в корне пресечь подобные неприглядные проявления в характере дочки. Мы отвели её к лавочнику и объяснили происшедшее. Лавочник отнёсся к этому с пониманием и не привлёк дочку «к юридической ответственности». Он только заметил, что если бы все были такие сознательные, как мы, он был бы в два раза богаче.

За время проживания в Китае наиболее отчётливо я помню частые прогулки на лодке вверх по Сунгари. В километрах десяти от нашего посёлка у старшей сестры с мужем была дача – маленькая избушка из досок и листового железа. Там хранились снасти и огородные принадлежности. Нужно от-

дать должное китайцам, самим жившим в нищете, и сказать, что они никогда не воровали. Не крали они и в городе, и мне до сих пор стыдно за детские налёты на лоточника. Больше того, китайцы не раз выручали нашу семью в голодные годы. Они привозили продукты с огорода и давали в долг, не зная, сможем ли мы когда-либо расплатиться. Русским выдавали пайки, состоявшие из хлеба, муки, растительного масла по литру в месяц, иногда дюжину яиц в месяц и – ещё реже – по килограмму мяса на душу. Помню, в качестве сладкого у нас были сухарики, которые мы облизывали и макали в сахар. Коронным блюдом матери были жаренные на постном масле лук и рис. Муж сестры, заядлый охотник, приносил изредка дичь и рыбу. Знакомые староверы из провинции также изредка привозили мясо дикой козы – так мы пережили самые голодные годы начала шестидесятых. Приходили и посылки из Австралии – консервы с ветчиной и сливочное масло. Китайцы жили ещё трудней, но не было ни зависти, ни злости.

Я помню, как, возвращаясь из школы и проходя мимо канализационной канавы, впадающей в реку, увидел мёртвых грудных детей, плавающих в этой канаве. (Сейчас просто жутко от того, что это стало происходить и здесь, в Австралии, – брошенные дети в канализации! В XXI веке цивилизации!) Из-за голода съедали абсолютно всё живое, включая крыс и воробьёв. Сдиралась кора с вяза и первая зелень весной. Детей, умерших до семи лет, китайцы не хоронили, и дикие, ещё не съеденные собаки часто таскали в зубах то ру-

ки, то ноги выброшенных детей. Я сам не раз видел трупы детей, завёрнутых в циновку и лежавших подальше от глаз – на удалённом от города берегу реки.

Самым памятным было путешествие на поезде в гости к староверам – это 500 километров от Харбина. От станции ещё километров десять пешком до поселения. Оно состояло из десятка бревенчатых домов, расположенных по обе стороны немощёной улицы. В каждом дворе – амбар, баня. Что мне запомнилось: убитые медведи, сваленные кучей за заборами. И это в каждом хозяйстве. Медведей было много, их отстреливали не только как промысел, но и для защиты хозяйства. Медведи нападали стаями и забивали домашнюю живность. Меня также удивляло обилие продуктов, зерна, вяленой рыбы и копчёной дичи. Голод староверов не коснулся. Жили они, строго соблюдая религиозные законы, постились и подчинялись старшему общины. Это был яркий, незабываемый эпизод в моей жизни.

Дети мои никогда не испытывали голода. Проблема была не в том, чем их накормить, а как заставить есть. Путешествовали они с младенчества. Сначала на машине – из Канберры к бабушке и дедушке в Брисбен. Потом на самолёте на остров Окинава через Филиппины. Затем Гонконг и опять Австралия, а позже – несчётное количество раз – в Сингапур, Россию, Кипр, Европу и так далее. На острове Окинава у них была няня-японка. За садом приглядывал садовник, и детям было предоставлено всё – и пляжи, и детский садик,

и игрушки.

В шесть лет я пошёл в школу, хотя по правилам положено было с семи. Наверное, меня приняли потому, что я уже умел читать – моей первой прочитанной книгой была «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Кто меня учил читать, я не помню. Как учился, тоже не помню. Знаю, что окончил начальную четырёхлетнюю школу успешно и поступил в пятый класс «розовой» школы в центре города. Почему её называли розовой, тоже точно сказать не могу. Скорее всего, потому, что она была покрашена в розовый цвет. В первом классе произошёл один эпизод, который я запомнил и который, наверное, помог бы психоаналитику – по Фрейду – анализировать моё последующее поведение в жизни.

Однажды я заболел и не был в школе пару дней. По возвращении меня обвинили в краже школьного фонарика, который находился в учительской. Никто, конечно, уже никогда не дознается, спёр ли его один из учителей или кто-то из учеников постарше, но я его точно не брал. Было очень больно и стыдно. Помню это и сейчас. Мне пришлось долго терпеть обжигающие обвинительные взгляды. На душе было тяжело, но я терпел, благо мысли о суициде мне тогда не приходили в голову. Наверное, поэтому в дальнейшей жизни я следовал правилу: лучше отдавать, чем брать. Правда, деньги у бабки я продолжал таскать, а она меня прощала и, главное, не била!

Меня никто не бил в детстве. Отец лишь раз за мою ша-

лось, что стоила ему пять иголок от швейной машины, которые невозможно было достать, решил символически выпороть меня мягким замшевым ремешком. На мой крик сбегалась вся женская половина, включая бабуку, мать, тётку и двух сестёр, которая и вызволила меня из рук «изверга». Я пообещал, что больше никогда так делать не буду, и действительно, никогда не отвинчивал винтик, державший иголку. Признаться, находилось за что всыпать и потом, но отец не выдерживал моей обороны и ограничивался руганью.

Припоминаю ещё один случай. Я чем-то сильно довёл старшую сестру, и она, не выдержав, хотела треснуть меня по шее. Выворачиваясь, я нечаянно подставил свой нос, на который и пришёлся удар. Из носа вылетели сопли с капелькой крови, и это произвело на меня ошеломляющее впечатление. Я заорал во всю мочь, доказывая, что из носу у меня лезет не что иное, как кишки. Всё тогда, конечно, обошлось, но я всегда патологически не переносил акты насилия, особенно над собой.

В драке я участвовал однажды. Дрался я с одноклассниками, вернее, с одним из них. Я даже фамилию его запомнил, хотя нам было по десять. Мы заранее договорились не бить выше шеи и ниже пояса. Оппонент был очень толстый, и мои удары его не прошибали, погружаясь в него, как в тесто. Его же кулаки были настолько мягки, что напоминали удары кота лапой. Тем не менее мы оба ощущали одинаковое чувство страха и паники. Когда нас растаскивали учителя, мы плака-

ли, но, скорее, от страха.

Своих детей мы не били, хотя, признаюсь, зачастую хотелось. Сыну пару раз прилетало рукой по заднице, но это вскользь. О своих драках он не докладывал, но в синяках я его никогда не видел. Когда я намеревался всыпать сыну, он понимал это, и у него округлялись глаза. Он пытался подготовиться к наказанию, но не выдерживал напряжения перед предстоящей поркой и начинал всхлипывать. Рука не поднималась – мне вспоминался отец с замшевым ремешком. Дочку чаще шлёпала жена, да и то в очень раннем возрасте. Жена больше предпочитала высококвалифицированные психологические пытки вроде долгих внушений. Дочка молча сидела с упрямо открытыми глазами, выражавшими героическую стойкость. Потом плакала, но больше от злости. После одного такого испытания в Канберре (а ей было 5) она решила уйти из дому. И ушла. После обеда и до самого вечера. В Интерпол мы не заявляли, но жена, позвонив в пару возможных мест, где дочка могла попросить политического убежища, в панику не впадала и, дождавшись возвращения дочки, даже ничего не сказала. В следующий раз дочь ушла из дому уже взрослой и вовсе не вследствие очередного семейного насилия!

В начале 1986-го за моей спиной было десять лет государственной службы в сфере, связанной с экономикой и торговлей с социалистическими странами. Так оформился мой карьерный профиль, с которым я не расставался всю жизнь.

Хотя я и стремился стать дипломатом или, в крайнем случае, коммерческим представителем, этого не получилось. В моей биографии было слишком много русского, и даже не происхождения, а, скорее, образа мыслей и – как следствие – поведения. Поэтому комиссия по отбору специалистов, с одной стороны, восхищалась моими знаниями русского и китайского языков, а также глубиной культурной и политической осведомлённости. Однако, с другой стороны, члены комиссии полагали: для того чтобы представлять интересы Австралии за рубежом, нужна глубина погружения в австралийские реалии и в качестве представителя страны необходим коренной австралиец. На заключительной рекомендации членов комиссии по отбору стояла лаконичная резолюция: «недостаточные австралийские истоки».

Я был обижен, расстроен и, прослужив более десятка лет, наблюдал, как представителями страны часто становились совсем некомпетентные чиновники, но с «достаточными австралийскими истоками». Я знал, что подобной политики придерживаются и на родине моих предков, и в Китае, где я родился и прожил 20 лет, и в Европе, но до приезда в Австралию мне внушали представления о демократичности в этой стране и в Америке, которая, возможно, была, но в очень ограниченном масштабе.

Но не всё было так плохо, и впоследствии это обстоятельство даже обернулось в мою пользу. Тогда ещё не был создан комитет по дискриминации, а когда он появился, начались

совсем уж глупые крайности: чиновники, боясь быть обвинёнными в дискриминации граждан своей многонациональной страны, в качестве представителей стали утверждать совсем не подходящих кандидатов. С ними австралийские коллеги обращались снисходительно и даже иногда помогали, но не настолько, чтобы вырастить себе конкурента.

Я подал апелляцию, ссылаясь на положительные отзывы членов беспристрастной комиссии, и в качестве компенсации мне пришло предложение основать отдел при Министерстве сельского хозяйства, специализирующийся в исследовании экономики социалистического блока. Незадолго до этого Англия вошла в Европейский союз, и Австралия потеряла огромный и регулярный рынок. Страна медленно и болезненно меняла привычную аграрную политику и была заинтересована в новых рынках. Только потом я понял, как мне повезло, так что я благодарен своим «дискриминаторам».

Советский Союз закупал всё, что Австралия производила масштабно. Шерсть, мясо, зерно. Советский Союз платил регулярно и много. Бывали годы, когда Австралия экспортировала на более чем 2 миллиарда американских долларов, а импортировала меньше, чем на 10 миллионов. Больше 100 сотрудников советского посольства и около 40 работников торгового представительства в столице Канберра пытались улучшить ситуацию, но тщетно. Правда, они были попутно заняты и другими важными делами, за которые многим по-

сольским работникам давали титул *persona non grata* и выслали из страны.

В Австралию ввозились мотоциклы – грубые, но популярные в сельской местности из-за неприязнительности и простоты конструкции. Присылались и двухприводные «Лады», которые тоже пользовались спросом из-за невысокой цены и выносливости. Проблемы и с теми, и с другими были в запасных частях, но на каждые три мотоцикла и «Ладу» брали ещё одну единицу на запчасти. Приходили тяжёлые станки и тракторы, но из-за проблем с ремонтом и отсутствием запчастей их популярность, несмотря на выгодные цены, практически сошла на нет. Советский Союз так и не научился понимать важность не только качественного, конкурентоспособного производства, но и дальнейшего обслуживания после поставок. Я не сразу понял – почему, встречая умных, талантливых конструкторов и специалистов, я не находил среди них грамотных экономистов-экспортёров. В этом я разобрался намного позже. (Даже сейчас, после 35 лет мало что изменилось, и Россия так и не приобрела альтернативы экспорту сырья.)

Находясь на государственной службе более десяти лет, я продвигался по карьерной лестнице не то чтобы стремительно, но по сравнению со своими сверстниками-соотечественниками, не пожелавшими покинуть свои обжитые места ради бездушной бюрократической столицы Австралии, это был большой взлёт. Жизнь в столице очень подходила нашей мо-

лодой семье. Судите сами: все условия для жизни и учёбы моих детей. Незагруженные дороги, качественные постройки, парки, леса, речки – всё ухожено, доступно. Несмотря на то что приезжие из других городов и столиц других штатов жаловались, что столица страны бездушна и всё здесь казённое, мне нравились порядок и размеренность такой жизни.

Этот период был временем «красной опасности», когда слежка велась за всеми без исключения представителями советского посольства и торгпредства. Русская община ещё делилась на антисоветских и «патриотов родины». Сочувствовали соотечественникам той страны, откуда – не так исторически давно – были изгнаны их родители. Но всё обстояло гораздо проще. Не было никакой политической подоплёки. Русская община задыхалась от внутреннего тления, от отсутствия полноценного развития культуры, от неспособности полностью интегрироваться в австралийское общество. Старики, испытавшие на себе ужас красного террора, просто доживали свои спокойные годы при церковных общинах. Посещали русский клуб с портретами царей. Молились за убиенных и, естественно, гнали прочь любые воспоминания о тяжёлом времени.

Поколение помоложе – те, что родились и воспитывались вдали от родины, – разделяло взгляды, но понимало, что всё может измениться. Возможно, или зов крови, или здоровая любознательность тянули их и к родине, и к тем, кто оттуда. Часто «русские австралы» воспитывали совдепов, убеж-

дая их в преимуществе роскошной австралийской жизни, но иногда признавались, что тоскуют по родине, по русскости. Сам я не впадал в меланхолию. Мне было легче. Мне разрешалось по делам службы общаться с представителями отсюда и даже ходить друг к другу в гости. Правда, австралийская разведка, тоже по долгу службы, часто вызывала меня на «беседы», но никаких проявлений скрытых обвинений и подозрений я не чувствовал. Так было надо, и так делалось везде, даже в однородной системе. Похоже, что эта непредвзятость была замечена в советском посольстве. Не занимался я антисоветской пропагандой, но и не боялся цивилизованно, без оскорблений, обсуждать те недостатки, из-за которых вскоре и разрушился Советский Союз.

В начале декабря 1979 года с помощью советника сельского хозяйства при посольстве СССР мне была организована стажировка на экономическом факультете Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Для Австралии это мероприятие было важным. Всё австралийское официальное исследование экономики Советского Союза базировалось на основе советских справочников. Основным из них был «Ежегодный справочник экономики СССР». Судя по статистике, предоставленной в нём, в Советском Союзе ежегодно наблюдался рост производства почти всех основных отраслей сельского хозяйства примерно на 10 % в год. Тогда, скажем, производство зерна в среднем должно было почти удвоиться за 10 лет, а в реальности СССР закупал всё

больше и больше зерна в Америке, Канаде, Аргентине и Австралии. Моя организация поручила мне разобраться в данном вопросе.

Когда я приехал в Москву, меня поселили в общежитие института. Где и как я жил, стоит отдельного рассказа. Общежитие – высотное здание на Лиственничной аллее – населяли и студенты, и преподаватели. Поселили меня на четырнадцатом этаже, полностью очистив комнату от прежних жильцов, а их было двое. Значит, я расположился на этаже, где жила элита. Студентов обычно «паковали» по четыре человека в комнату такой же площади. В комнате были абсолютно раздолбанная кровать и такого же плачевного вида гардероб. Мне в виде исключения поставили холодильник и телевизор. Саму комнату не обновляли лет двадцать. Первым, с кем я познакомился на этаже, был стажёр из Ирана, по его рассказам, из очень богатой и влиятельной семьи. Его соседом по комнате был другой иностранный стажёр – тоже иранец, с которым он принципиально не общался, так как тот был из низшей касты. Высокий, очень симпатичный 25-летний мужчина почти плакал, жалуясь, что его все игнорируют и темнокожих студентов вообще не любят.

Я не хотел выделяться и начал ходить в студенческую столовую. После второго захода я не выдержал жирной, неаппетитно выглядывшей и невкусной еды и пошёл в столовую для преподавателей. Там я почувствовал, что меня сторонятся, и мои попытки «сдружиться» с кем-либо не увенчались

успехом. Я всегда думал и знал по опыту общения с соотечественниками в Австралии, что русские дружелюбны и гостеприимны, а в Австралии люди вообще очень легко сходятся и общаются на различных уровнях. Мне было обидно и очень одиноко. Мой куратор, академик, редко навещал меня или звал в гости, и я неделями питался бубликами, сметаной и творогом – тем, что было доступно в магазинах. Там ещё продавались консервы и полуфабрикаты сомнительного качества и неизвестного срока хранения, но я их просто-напросто боялся покупать. Правда, для меня был доступен валютный магазин «Берёзка», но для его посещения нужно было терять полдня и тратить ценные для меня командировочные в валюте.

Для помощи в моих исследованиях ко мне приставили профессора и двух молоденьких лаборанток. Они тоже держались с опаской, хотя и охотно исполняли все мои поручения. Мне было как-то неловко иметь в помощниках профессора экономики, не такой уж «важной птицей» я был в Австралии. Только потом я понял ситуацию, и тогда дела пошли веселее и для меня, и для моих опекунов.

Однажды я сильно простудился и заболел воспалением лёгких. Я позвонил академику, и мне прислали врача. Тот сделал уколы, вероятно, дефицитных лекарств, которые, как мне объяснили, не предназначены для простых граждан, и я быстро пошёл на поправку. Из иностранного отдела ко мне приходила молодая, симпатичная сотрудница и приносила

обеда, явно не из столовой. Я посетовал на своё одиночество и отстранённое поведение студентов и преподавателей. Она – осторожно и мягко – объяснила мне, что я первый и единственный стажёр из капиталистической страны, а так как все капиталистические страны имеют развитое сельское хозяйство, то никто не понимает, чему я могу научиться в СССР. Все думали, что с таким хорошим русским языком я или шпион, или «подсадная утка», подосланная органами. Или сотрудница не всё понимала, хотя её и допустили до общения со мной, или она сама была из органов.

Я, в свою очередь, тоже очень мягко и осторожно объяснил ей свою позицию и задачи. После этого разговора оставшийся срок пребывания в академии прошёл приятно и полезно. Мой профессор и лаборантки составили для меня все необходимые данные и кучу таблиц, полностью освободив от долгих часов монотонной работы в библиотеке и бесполезного общения с экономистами академии. Никто ничего мне бы всё равно не сказал, а так все остались удовлетворены.

Я познакомился с художниками-диссидентами и проводил с ними многие вечера, узнавая о СССР то, чего не узнал бы ни из каких официальных источников. Я уже не был одинок и покидал страну с сожалением. Мой отъезд ускорило вторжение советских войск в Афганистан 25 декабря 1979 года.

...Сыну было два, а дочке чуть больше полугода, когда мы

поехали на остров Окинава, с остановкой на Филиппинах. Моя должность называлась «исследователь», а организация – «Информационное бюро иностранных радио- и телепередач». Что-то вроде ТАСС или Reuters. Только там я понял, что это не что иное, как одна из форм активности американской разведки. Моим непосредственным начальником был русский, люто ненавидевший коммунистов, но он явно перебарщивал в проявлениях своей ненависти, доказывая это своим шефам. Они морщились, когда он, показывая на танки на перехваченной записи русского телевидения, говорил: «Наши лучше!» И каждый раз его ехидно спрашивали: «А наши – это чьи?» Когда холодная война закончилась, он забыл о своей ненависти и первый напросился на поездку в Россию, когда впервые за всю историю представители ЦРУ и КГБ встречались на конференциях. И русские, и китайские «исследователи», и сами американцы открыто ненавидели его за подбострастие и приспособленчество.

Это время тоже было ярким периодом в моей профессиональной жизни. Несмотря на прекрасные, почти райские условия, через два года я уволился. Эта золотая клетка оказалась не для меня.

Два года жизни на Окинаве – единственное время, которое я неотлучно провёл с семьёй. Остров был маленьким и вскоре оказался изучен вдоль и поперёк. Там находилась американская авиабаза со спецмагазинами для рядовых и отдельно – для офицеров. Я ещё расскажу подробнее об этих

двух годах, но здесь остановлюсь на одном эпизоде, который ни я, ни моя жена никогда не забудем.

Однажды на одном из офицерских пляжей мы расположились рядом с семьями моих американских коллег. Я пошёл купаться с дочкой, которая только начала ходить. Ведя её за руку, я увлёкся беседой с одним из коллег. Вдруг вижу, один из купающихся отчаянно жестикулирует, показывая на мою дочь. И тут я увидел её лицо под водой: дочь испуганно хлопала глазами. Её испуг вырвался наружу жутким воплем, когда я вытащил её из воды. Весь пляж был на её стороне, и отдыхающие с осуждением смотрели на разгильдяя-отца – на меня.

Подобным же образом я чуть не потерял доверие моего трёхлетнего сына. В парке недалеко от нашей резиденции стояли качели и горки разной высоты. После недавнего дождя вокруг горки стояли лужи. Сын залез на горку и намеревался скатиться. Я сказал, что подстрахую, и протянул руки, чтобы ловить его. И тут опять помешал мой коллега. Я начал с ним беседовать, оставаясь с протянутыми руками, но сына на время из виду упустил. Он же, наконец поверив в мою страховку, скатился вниз. Были рёв, слёзы и обида, когда он со всего маху шлёпнулся в лужу! Не стоит говорить, как я подорвал его доверие ко мне. Ему сейчас 35, и он по-прежнему не совсем уверен в моей подстраховке его жизненного пути.

Тогда ему было только три, и у него не нашлось слов, что-

бы объяснить мне свои чувства. Зато когда ему исполнилось 13 и я перевернул катамаран в открытом море, он без обвиняков заявил, что его парусные приключения со мной на этом закончены. И он сдержал своё слово – под любым предлогом в море со мной больше не выходил. Как мало нужно, чтобы потерять доверие детей...

Для многих переводчиков и аналитиков Окинава стала второй родиной. Это были в основном китайцы из Тайваня, корейцы из Южной Кореи. Их было много, около пятидесяти сотрудников. Русских было трое. Я, мой молодой коллега и всеми ненавидимый шеф русского отдела. Руководили нами американцы. Всех привязывали обязательными контрактами на 2 года. Американцы дольше не оставались и меняли назначения по разным базам, разбросанным по Европе и Ближнему Востоку. Нам такую возможность предоставляли редко. Я дружил с китайцами и корейцами, которые служили безвыездно по 20 лет и больше. Их волновала только судьба детей. Им предоставляли возможность учиться в Америке и стать её гражданами.

Я надеялся, что нам, русским, находящимся недалеко от России, разрешат туда ездить. Но холодная война ещё была в разгаре, и наши попечители боялись непонимания русскими спецслужбами нашей службы. Наверное, не зря. Вскоре произошёл один эпизод, когда все находящиеся на острове почувствовали возможность перехода от холодной войны к горячей. На острове, как и нигде в мире, разве что в самом

Кремле и Вашингтоне, так не почувствовали остроту реальной военной угрозы.

Корейский пассажирский самолёт нарушил советскую границу, как говорили американцы, по ошибке. Русские утверждали, что истребители пытались вернуть самолёт на легальный курс, но были игнорированы. Самолёт был сбит.

Обычно на острове день и ночь слышался гром взлетающих и садящихся истребителей и бомбардировщиков. Стены и окна наших квартир, как нас уверяли, могли выдержать ядерный взрыв. Главное, что они поглощали шум, но не полностью. Наутро после инцидента с самолётом все военные самолёты и вертолёты покинули базу и улетели на север Японии, поближе к границе с Россией, к их военным базам. Необычная тишина, наступившая на острове, ещё более усугубляла напряжённость.

Русских ненавидели. Жена, поехав в Корею, привезла майку с надписью на спине: «Не забывайте сбитый самолёт. Убейте русского». На базе ещё очень долго мы старались не афишировать, что мы русские. Переговариваясь в столовой, лётчики горели желанием сбросить на русских «одну горячую»!

Однажды меня пригласили рассказать собравшимся американским офицерам то, что я думаю о русских, будучи русским и занимаясь российской политикой. Я рассказал им про «эту горячую» и стал доказывать, что русские не хотят и боятся войны, а также про мои встречи в России с русскими

военными, которые никогда не выражали желания «сбросить горячую» на Америку. Когда меня спросили, почему же русские так поступают, я ответил, что не надо путать политика-нов с русскими вообще. В войне политики и лидеры редко страдают сами. После официальной части ко мне подошли офицеры и доказывали, что они тоже не хотят войны и предпочитают дружить с русскими. Мой непосредственный шеф потом с сарказмом напоминал мне о моих взглядах и об ошибочной интерпретации общего настроения русских.

Несмотря на прекрасный климат и отличные материальные условия, остров, повторюсь, стал для меня золотой клеткой, и я не продлил контракт. Меня уговаривали и обещали ещё лучшие условия, но я не скрывал истинной причины своего решения. Расстались мы с моими коллегами и почитателями по-дружески. Условия жизни были действительно роскошны и для нас, и для военных вообще. Офицеры жили с семьями в отдельных квартирах. В специальные магазины завозилось всё – от отборных мясных вырезок до экзотических фруктов. Блок сигарет и бутылка виски стоили по одному доллару. На острове были бесплатные тренажёры, кино-театры, ухоженные пляжи. Электроника и любые другие товары продавались с огромной скидкой. За два года, получая относительно небольшое жалованье, я приобрёл спортивную машину, новейший музыкальный центр и гарнитур резной китайской мебели. Всё это за счёт организации я вывез в Ав-

стралию. Лётчики американских ВВС, приезжая домой, покупали квартиры, дома и всегда – по возможности – стремились вернуться на любую базу.

Вернувшись в своё министерство, я понял, что моей исследовательской карьере приходит конец. Я что-то издавал, составлял докладные записки министрам, но всё это меня уже не радовало. Многие могли позавидовать моему положению: высокое жалованье, дом и пожизненно гарантированная работа, но перспективы роста я не видел. В министерство приходили молодые и очень способные экономисты и прямо с университетской скамьи перепрыгивали меня на служебной лестнице, и это ущемляло самолюбие. Мне нужно было менять своё положение, и я стал искать альтернативу.

В поисках альтернативы и в бесконечной погоне за счастьем, которое, как горизонт, удалялось от меня по мере моего приближения, я потерял семью. Видимо, не было той жемчужины любви и взаимного притяжения, что цементирует семью, не было первоначальной искры, от которой хотя бы затеплилось необходимое чувство. Без скандалов и взаимных обвинений пришло отчуждение, и только связь с детьми напоминала о когда-то единой семейной единице. Осталось чувство необъяснимой вины перед женой, которая так и не знает, в чём же её или моя вина. А может быть, и знает, но понимает бесполезность борьбы за сохранение семьи, так как и с её стороны, по-видимому, не было искры, и с годами постепенно улетучилось даже то, что было. Не возникло жела-

ния исправить ситуацию или создать новую семью, несмотря на неоднократные порхания от цветка к цветку, которые оставляли лишь повторяющуюся грусть и душевную пустоту. А годы безжалостно напоминали о вечной истине начала и конца, о бренности мира и о том, что каждый на этой земле смертен.

Генерал страны великой, или Генерал о себе

Когда я родился, стояла, как мне потом рассказывали, августовская жара. В садах созревали фрукты, в огородах был собран почти весь урожай. Овощи, что оставались на грядках, предназначались для семян. Родился я в маленьком военном городке. Даже не в городке, а посёлке, где мужчин без военной формы почти не было видно. Шла война, и мужчин вообще было мало – все на фронте. Весь район оказался ненадолго захвачен немцами, но вреда поселению они не причинили. Все семьи вовремя уехали в эвакуацию, а стратегически важных объектов, подлежащих уничтожению перед отступлением, не было. Поэтому семьи как выехали, так и вернулись – будто из короткой командировки.

Оставленную мебель тоже никто не тронул, да и что там было из мебели в барачных условиях военных семей? Соседки приняли у матери роды, так как в поселении не было даже фельдшера, и, слава богу, всё прошло благополучно. Отец командовал «катюшами» где-то совсем недалеко, и его сослуживцы, приезжавшие в увольнительную, обещали найти возможность сообщить ему о рождении нового солдата. Насколько в семье новорождённого помнили, в роду со времён царя Петра все были военными, и не просто рядовыми военными, поэтому никто не сомневался, что родился ещё

один генерал.

Мать видела отца в последний раз ровно девять месяцев тому назад, когда тот приехал на побывку в Казахстан, куда и было эвакуировано всё поселение. Я же увидел его только через год после своего появления на свет. Приехали в гости и дед с бабушкой, откуда-то из Сибири, и в этот вечер квартиры была полна людей. Я, конечно, всего этого не помнил, и только потом дед и бабка посвящали меня в детали моего счастливого беспечного детства. Правда, мама была другого мнения о беспечном детстве, но особенно с дедом не спорила, и у меня навсегда остались в памяти будёновские усы деда и вечно пахнувшее пряностями платье бабки.

Когда начали формировать ракетные войска, отца приглашали служить в штабе и обещали даже место в Москве, но он отказался. Многие его друзья-генералы погибли на войне, а многие, служившие в штабах, исчезли в застенках Лубянки. Отец власть никогда не критиковал, но и приближаться к ней не стремился.

Что такое генерал в послесталинской России? Например, генерал элитных ракетных войск? Из военного поселения, где я родился, семья переехала на Дальний Восток. Казарменный домик сменился двухкомнатной квартирой в 63 метра, где и прошли моё детство и юность. У отца была персональная машина с водителем-адъютантом, и он был настолько занят, что появлялся дома не чаще одного раза в месяц. Недостатка в семье не было. Мать покупала новые вещи, но

я не помню, чтобы она куда-нибудь выходила. И с отцом, и без отца. Гости собирались «часто». Так же часто, как отец бывал дома.

Как живут генералы в других странах, отец знал, но в семье это не обсуждалось. Он не раз выезжал на учения стран Варшавского договора, бывал в гостях у своих коллег и без всякой зависти сознавал, что даже в бедной братской Болгарии у генералов было больше привилегий. Сам признанный аскет, генералиссимус Сталин не баловал военных. Не баловали своих защитников и героев и последующие лидеры страны. Хотя жизнь военных до развала СССР была сложнее, чем, скажем, жизнь их американских коллег, но их уважали, считалось престижным выйти замуж за офицера. После развала страны отношение к военным резко изменилось.

До развала я учился, и хорошо учился! Это сейчас дети богатых и влиятельных людей могут наплевать на репутацию родителей. Детям генералов, да ещё героев войны, всегда напоминали, что нам нужно стыдиться слабостей сверстников из «регулярных семей». Да, мы допускали промахи, и часто нам даже больше прощали, чем другим, но стоило нашим родителям узнать о провинности, мы получали такой нагоняй, что повторения не хотелось.

Я знаю, в чём разница между детьми из семей чинов в провинции и такими же детьми, скажем, в Москве или Ленинграде. Там уже в 60-х были и наркотики, и далеко не образцовое поведение детей номенклатурных работников, ко-

торое замалчивалось, хотя и было предметом обсуждений в узком кругу. В моём городке всё было на виду, и мы старались не огорчать родителей. Хотя судьба военного мне была предначертана, я учился так, чтобы без проблем попасть на медицинский. Чтобы не обидеть мать – я делал это для неё.

Тем, кто не знает, полезно рассказать, что, независимо от системы в стране, элита воспитывалась десятилетиями, и попасть в неё просто так, с улицы, было трудно, почти невозможно. Пролетарское происхождение полностью потеряло свою значимость после смерти Сталина, и на месте идеологически воспитанного класса развелась, как черви в навозе, номенклатура. Она начала разрыхлять почву, утрамбованную ещё при живом тогда Сталине, и борьба за светлое будущее с неизмеримыми жертвами стала напрасной и забытой.

Уже старшеклассником в школе я понял, что всё, чему нас учили, и те, кто нас учил, – явная фальшь. Представьте, как трудно семнадцатилетнему юноше идти в жизнь по тропе лжи и неискренности не только чужих, но и своих, близких. На все вопросы отец отвечал: «Учись, сынок, и, может, ты что-то изменишь, но сейчас не время плыть против течения».

Как я понял, было не время и во время прадеда и деда, и никогда для генерала из провинции оно не настанет. Я видел, не без помощи мощной пропаганды, кое-какие преимущества процесса борьбы за светлое коммунистическое будущее, но фальшь становилась всё более явной и циничной,

и даже самые коренные зачинщики этой борьбы с болью в душе признавались – а король-то голый! Даже сейчас я вижу, как упрямо они утверждают, что законы-то были святы, да вот исполнители – лихие супостаты! Я также вижу, что корни этого упрямства – из-за обиды быть обманутым и за неоправданные жертвы. Кто-то ещё хорохорится и уверяет, что история оправдывает эти жертвы, но как-то неуютно смотреть сейчас на исковерканные недоброй судьбой лица ветеранов с красными флагами, и ещё более неуютно видеть холёные лица инициаторов социалистических сабантуев, потому что для них, как и для отцов-основателей, это просто процесс борьбы за власть.

Дед умер сразу после смерти Сталина. Мои родители даже были уверены потом, что смерть вождя способствовала смерти деда. Сообщили о смерти Сталина официально 5 марта, но страна уже гудела догадками. Отец и дед разговаривали вполголоса, стараясь беседовать в стороне от матери. Мне не было ещё десяти. Я слышал, но тогда не понимал значения того, что дед говорил отцу:

– Если ЕГО и вправду нет, ложись, сынок, на дно. Сейчас повылезет вся та мразь, что смотрела ЕМУ в рот, и начнётся травля века почище тридцать седьмого. Много ИХ, обиженных, много, и они все затаились. Ты только посмотри на эти жирные хари, и все как голодные пауки в банке. Продержался бы ОН ещё пяток лет, и можно было спокойно умирать. А сейчас неспокойно мне, сынок, – за тебя неспокойно, за

Россию.

– Отец, историю не изменишь. Когда умер Ленин, все говорили то же, что и ты сейчас. Сталина боялись и предсказывали конец России с его приходом. Антихристом звали, а ты сейчас боишься, что этот толстомордый с Молотовым погубит всё. Отец, ничего нового не произойдёт. Будут душить друг друга и всаживать нож в спину, как всегда. Ты служил и у Ворошилова, и Будённого, и Тухачевского. Не рядовым служил! Ты же сам недавно говорил, что непонятно, как им доверяли командовать, но вроде всё сошло?

– Не было лучше. Умные из белой гвардии или погибали, или уходили, а служили бездарные оппортунисты. Да умным было бы не ужиться с хамской массой из-за своего благородства, а только хамство и победило. Ты прав, будут душить друг друга и ЕГО очернят, но он был хозяином, а кто из этих толстомордых может быть хозяином?

– Да ладно тебе, отец! Как будто не знаешь, что прикрепят к одному из них крылышки, и все, включая тебя, будут молиться новому богу. Один партийный съезд и пара передовиц в «Правде» – и все будут верить, что без любого толстомордого и революции бы не было, и партия давно бы развалилась!

– Нет, сынок, при НЁМ ещё кто-то во что-то верил, а в любого из толстомордых могут только силком заставить верить.

Я вспоминал этот разговор, когда поступил в военную академию. На поступлении настоял отец, и мать с грустью отправляла меня в мой первый длительный отъезд из дома. Отец приезжал домой ещё реже, чем раньше. Я никогда не видел его злым или раздражительным. И сейчас он молча ел, смотрел ТВ, много читал, и у него почти совсем перестали собираться однополчане. Мы видели произошедшую в нём перемену, и мать говорила мне, что даже во время войны он был веселей и жизнерадостней. Перед отъездом он позвал меня на улицу, и мы долго шли по пыльной тропинке, в глубь парка, пока отец не собрался с мыслями и не начал говорить:

– Слушай, парень! Я не хочу давить на тебя с армией, но если ты выучишься и продолжишь мою линию, ты хоть чем-то будешь командовать. После медицинского ты, может быть, и добьёшься чего-нибудь, но только сам! Проталкивать тебя некому будет. После этого скандала с нашими ракетами на Кубе в Кремле ищут крайних. Идёт большая перетасовка, но она вряд ли повлияет на провинцию. Меня опять зовут в Москву, и я опять откажусь, но за тобой присмотреть я ещё в состоянии. Подумай и прими решение. Я не обижусь.

Я не совсем понял настроение отца и решил, что он просто не хочет огорчать мать и этой беседой как бы смягчает свою первоначальную настойчивость с моей военной карьерой. Но всё оказалось совсем иначе. В провинции вроде бы не было никаких перемен. Отец получал приказы, встречал начальство из центра, принимал новую технику и обучал

личный состав новым технологиям. Наверху было видно, как профессионально и усердно исполняются команды руководства, и дивизия отца стояла на первом месте в регионе. Отец часто ездил в Москву и видел, как комплектуется штаб армии. Этот штаб задыхался от nepoтизма. В Политбюро соznавали эту угрозу военной системе и старались, как могли, перетаскивать из провинции офицеров с практическим опытом. Отца могли перевести приказом, но в том же Политбюро понимали, что в связи с нарастающим конфликтом с Китаем обнажать военный округ под командованием отца нерезонно. Отец использовал это как аргумент, и его оставляли в покое.

Основной причиной его отказов была нездоровая обстановка в министерстве обороны, куда отца и приглашали. Бюджет страны лопался от гонки вооружений, а в штабах царила атмосфера пира во время чумы. Военный округ отца курировал в министерстве генерал его ранга, но почти вдвое моложе его. Протее одного из членов Политбюро, этот мальчишка попал в министерство прямо из академии и, прыгая из кабинета в кабинет, повышался в звании каждые 6 месяцев. Получив новое назначение, мальчик понял, что ничего не знает, время придёт – и ему придётся отвечать. Что в таком случае делать? Ясное дело, взять компетентного помощника. Другой бы на месте отца с криком «ура» сел в поезд – и в Москву, но отец решил остаться хозяином положения в провинции, а не генералом на побегушках. Дед

один раз за неподчинение получил медаль, а отца повысили в должности за лояльность и оставили в покое. У отца же осталось неприятное чувство, и он всё время вспоминал коридоры военной власти в столице.

Когда политическая пыль вокруг отца осела, он повеселел, и мы не раз обсуждали не только изучаемые мною в академии предметы, но и то, чему нас не учили. Отца за такие беседы в худшем случае могли просто пожурить на парткоме, но он уже преодолел барьер страха за себя и семью и спокойно дослужил до пенсии. Моя же жизнь текла по нормальному руслу. Академия, повышение квалификации и два года под командованием друга отца в соседнем военном округе. Ещё почти 20 лет, и я на месте отца.

Я, как и мой отец, в политику не вдавался. Я просто служил и нёс ответственность за свою часть, военную подготовку, снабжение и дисциплину. С последней, однако, становилось всё сложнее. Не только офицеры высшего ранга, но и весь личный состав гудел, как улей, полностью сознавая неспособность власти изменить положение военных. Обсуждали это положение уже открыто, и трудно было стимулировать солдат на хотя бы сносное служение родине. И патриотизм, и традиционное желание выслужиться – всё исчезло, сменившись корыстностью и меркантильностью. Это поддерживалось воровством, которым занимались как рядовые, так и штабные офицеры высокого ранга. Я всё видел,

страдал от этого и от своей беспомощности, невозможности что-либо изменить. Я прекрасно понимал, что борьбу с этим вести невозможно – рыба уже сгнила с головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.